

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ

ПОСТРОИТЬ СВОЙ КОРАБЛЬ

Держу перед собой новую книгу Юрию Леонова “На краю Мещёры”, которая даже своим названием притягивает. Ранее приходилось читать включённые в неё рассказы в периодике, в том числе и в “Нашем современнике”, но теперь, собранные вместе, они создали неожиданный объём, новую книгу.

Сорок лет Леонов создавал её, собирал по главам параллельно с другими своими работами с тех пор, как поселился на берегу Оки под Рязанью. На всё лето он отправлялся туда на жительство, ещё не понимая, что новое пристанище станет на долгие годы основным местом на Земле, где его душа найдёт необходимый писателю приют. Ибо она не может бесконечно перемещаться по неоглядным просторам Родины, как бы хороши и завораживающе прекрасны они ни были! А до этого, родившись в довоенном Свердловске, он вместе с отцом Николаем Семёновичем, специалистом-маслоделом, немало помотался по стране: Кавказ, Сибирь, Урал, Европейский Север. В Кирове, учась в школе, Юрий Леонов опубликовал в областной газете своё первое стихотворение, и вскоре вновь оказался в Свердловске. Здесь окончил Уральский госуниверситет и напечатал первый рассказ. После окончания университета романтика тех лет забросила его с дипломом журналиста на Сахалин, где в 1961 году вышел первый сборник рассказов с весьма удачным для этого острова названием: “Письма идут месяц”; правда, в нынешнее время правильнее бы название звучало, наверное, так: “Письма идут полгода”. Пока вышла книга, Леонов оказался в Москве на Высших сценарных курсах. Диплом об окончании их не давал никаких привилегий, так что пришлось сызнова искать нишу в жизни. В Ашхабаде пытался поднять профессиональный уровень туркменского кинематографа, в Амурске по комсомольской путёвке строил целлюлозно-картонный комбинат, в Хабаровске работал на Дальневосточной студии кинохроники, объехав всю восточную окраину России от бухты Лаврентия на Чукотке до китайской границы. Все эти мотания по стране не проходили даром, а помогали накопить жизненные впечатления.

После женитьбы Леонов переехал в Москву и стал работать в “толстом” журнале. В издательстве “Современник” в 1982 году вышла первая книга в столице “Люди как люди”, основу которой составила повесть “Нескладуха” о судьбе “маленького” человека, зажатого суровой жизненной необходимостью. В столице пора бы угмониться, но и в ней он не позволил себе домоседство. Очень скоро зачестил под Рязань, стал сезонным жителем, или, как говорят местные, дачником. Почему именно под Рязань? Да потому, что

оттуда родом жена с тещей и тесть оттуда же, который за рюмкой всякий раз басовито поддакивал жене, что, мол, таких привольных мест поискать да поискать. Все они перебрались в Москву в годы нэпа, и, видимо, со временем начала донимать ностальгия. Сошлись на том, что решили снимать в родном селе дачу на лето. Снарядили Юрия совместно с тещей на разведку в есенинские места, а когда они однажды по весне добрались до села Костино, то и вовсе удачно получилось: купили у дальней родственницы старый домишко. С него всё и началось.

Позже Леонов с сыном построил собственный дом, и быстро стал своим среди сельчан, хотя те и приглядывались поначалу к дачнику. Ведь люди судят о других людях по их делам, а они у него были таковы, что любое маломальски заметное событие в сельской жизни не оставалось без его внимания и участия. Сперва его не понимали: чего, мол, приезжий суётся не в свои дела, а потом привыкли к тому, что без Николаича не обходится ни одно маломальски заметное событие. Никто, конечно, не знал, что потом почти все они ложились на бумагу: ведь так устроен писатель — не может быть равнодушным, имея на всё свой взгляд, и не замалчивает его внутри себя. Как он сказал в недавнем интервью: "... Хочется высказаться в противовес той черноте, которую плодит не только телевидение, напомнить землякам, что есть среди нас ещё немало тех, кому не всё равно, куда мы идём, вернее, куда нас тащат..." И метафорично добавил: "Современный русский писатель в своём большинстве напоминает мне человека, который строит корабль в пустыне, в надежде, что сюда придёт большая вода... Сижу в своем загородном доме, куда судьба забросила сорок лет назад, — смолю последние швы в обшивке корабля. Могу лишь надеяться, что он во благо сослужит службу людям. Но поплывёт ли — бог весть. Однако работу не оставляю, как тысячи собратьев по перу — литературных корабелов. Целая армада, готовая послужить Отчизне, ждёт приливной волны. Где она, за каким горизонтом?"

И вот его новый "корабль" сошёл с писательских стапелей и отправился в рейс по России, разнося весть о костинских людях, в которых угадывается большинство россиян, узнаются их житейские истории.

Книга Юрия Леонова "На краю Мещёры" стала своеобразным признанием в любви к древнему, оваянному легендами краю, к чарующей многоцветными красками природе срединной России, к доброте ускользающих традиций прошлого, к несломленным испытаниями жителям рязанской окраины.

Многолик взгляд писателя на жизнь современного села. Не сложилась у него задумка дать новую жизнь запущенной усадьбе некогда прославленного "короля картошки" Н. Я. Никитинского — сгорел в процессе реставрации "барский дом". И хоть не виноват был писатель в такой потере, но появляется полная горечи глава-новелла "Покаяние". Многие из новелл рождены раздумьями о сельских неурядицах.

Галерея портретов сельских жителей выстроена разноплановая: от образов бесшабашного мастеровитого Серёги и дотошного библиотекаря Аллы Григорьевны Смагиной, каждый год "пишущей" историю села, собирая в альбомы газетные вырезки, до многомудрого сельского "философа" Андреева и непонятной для молодежи бабы Насти с её неистребимой потребностью найти рукам хоть какую-то работёнку.

По крупца собирая сведения по истории села, рассказал писатель и о странно звучащей в здешних местах "Киргизской дороге". Оказывается, жили здесь киргизские "гастарбайтеры", но не теперешние, а довоенные, строившие железнодорожную линию от станции Дивово через мещерские леса на Владимир. Строителей присылали отовсюду, в том числе и из Средней Азии. Каждый с лошадью, повозкой, семьей. Но отработали они только сезон. А потом пришел приказ законсервировать стройку. "Осталась на память о степняках мощённая щебнем дорога, — пишет автор. — Лет десять назад там, где упёрлась она в Оку, построили водонапорную станцию. И дорога из никуда превратилась в наезженный тракт, словно так и задумано было в тридцатые годы". И с красной строки делает вывод-пожелание: "Если бы все народы, покидая временную обитель, оставляли после себя такую добрую память!"

Лишь в конце книги писатель уходит от мирской суеты в целительный храм природы:

“...Денёк и в самом деле был как подарок. Дробились блики в золотистом, спадающем с дуба ковре дикого хмеля. На самой вершине цепенели, сгорая в закатных лучах, едва поредевшие листья. Ещё выше, кружась, ловили остатки солнечного света деревенские голуби. И перья облаков струились через весь небосвод пламенеющей рекой времени” (“Поздняя ежевика”).

Если бы автор не определял эти истории как реальные, то они вполне могли бы быть рассказами, но Леонову не нужна такая “обезличка”. Ему важно рассказать именно о своих, костинских, потому что нельзя о них говорить, как о придуманных писательской фантазией. О ком-то другом он может написать рассказ, но о людях, ставших земляками, — нет. Только голая правда! Но правда эта, ограниченная писательским мастерством, тем более завораживает, создавая у читателя ощущения сопричастности, ощущения соавторства, когда кажется, что это именно он, читатель, рассказывает всему миру о тамошних жителях. Во всём дотошный, въедливый, напоминающий внешностью мешёрского лесовика, Юрий Леонов по страницам, как по полочкам, раскладывает увиденную сельскую жизнь и находит в этом радость, будто заранее зная, что именно она и нужна такая: не броская, не плакатная, а живая, сразу узнаваемая, потому что редко кто даже из городских жителей не бывает в сельской местности, не прикасается к ней, хотя бы и на дачах. Только не каждый дачник, всё бросив, помчится в областной город, к редактору официальной газеты со статьёй, в которой доказывает необходимость сохранения больницы в соседнем селе Пощупове и недопустимости лишения здравницы целого околотка. Повлияла ли его просьба, понята ли была областными чиновниками — другой вопрос, но ведь слово-то было сказано! В этом и заключается суть неравнодушного человека, которого Господь наградил умением толково излагать мысль на бумаге, умением довести до соответствующих властных лиц заботы жителей отдельно взятого села, отдельного человека.

Чем же всё-таки притягивает проза Леонова? Задал сам себе этот вопрос, а ответ-то знаю заранее: душевностью, искренностью, да такой, что каждое слово в его простеньких на вид новеллах получается исповедальным, а все вместе они составляют роман-откровение. Часто вспоминается один из его прежних рассказов, не вошедших в эту книгу, но не оставивший равнодушным, ибо вполне мог быть одной из глав этого романа. Называется он “Глоток горькой воды”. Рассказ этот, похожий на воспоминание, таковым по сути и является, ибо он о раннем, военном детстве писателя, о той его странице, когда ему, мальчишке, пришлось испытать тяготы эвакуации... Из Баку пароход доставил группу эвакуированных на другой берег Каспия, в туркменский Красноводск, где прибывших людей оставили на произвол судьбы: практически без крова над головой, пищи. Единственное, чего хватало в Красноводске, это дешёвой вяленой рыбы. С каким удовольствием накинудись на неё беженцы и как же горько поплатились, забыв, что после солёной рыбы захочется пить. А вода в том городе под палящим солнцем — проблема из проблем. И это слабо сказано. Вот как поведал автор о тех ощущениях, запомнившихся ему на всю жизнь: “К концу первого часа блужданий по каменистым безлюдным улицам солнце стало нашим врагом. Зависнув почти в зените, оно слепило глаза, проникая до самого нутра, в котором, казалось, спеклись вместе все печёнки-селезёнки. Белёдые глинобитные дувалы дышали жаром, узкие бойницы окон, закрытые ставнями, шурились насторожённо и недоверчиво. И за всем этим плавались в мареве раскаленные громады скал”. Да, пить хотелось неимоверно. Родители просили воды в жилищах хотя бы для ребёнка, но везде им отказывали, и лишь одна местная женщина не пожалела стакан мутной и горькой от соли воды, оторвав её от десятка приёмных детей, чьи жаждущие рты ждали с нетерпением, когда она вернётся с дальнего источника. Он же, сделав глоток, поделился с родителями. И тот спасительный глоток Леонов запомнил на всю жизнь и не мог не написать рассказ-воспоминание о своём красноводском приключении, да с таким искренним проникновением в душу мальчишки военной поры, с таким теперешним трепетным отношением к обыкновенной воде, о ценности которой мы обычно не задумываемся, что впоследствии этот рассказ принёс её автору звание лауреата Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова.

Юрий Леонов во всём такой: с виду незаметный, тихий, но если уж что-то задумает — его не остановить. И то, о чём он ещё недавно мечтал, срав-

нивая своё литературное дело со строящимся кораблём, когда спешил “зас-
молить” последние швы в корпусе и сам себе задавал вопрос: “Но поплывёт
ли – Бог весть?!” в надежде, что он всё-таки поплывёт, послужит на благо
людям, – сбылось! Если вспомнить российскую историю, именно в этих окс-
ких местах, в селе Дединове, был построен первый русский боевой фрегат с
гордым названием “Орёл”. Именно он положил начало регулярному военно-
морскому флоту, надолго определив морскую роль России в истории не толь-
ко Европы, но и всего мира. И именно из этой приокской провинции вышло
множество прекрасных людей. Среди них и Юрий Леонов, которого теперь
вполне можно причислить к рязанцам, встречающий ныне свой юбилей на ка-
питанском мостике литературного корабля, построенного собственным раде-
нием и уверенно выведенного в плавание.

*Юрию Николаевичу Леонову исполняется 80 лет!
От всей души поздравляем нашего давнего автора,
в 80-е годы работавшего в “Нашем современнике”, с юбилеем!*
Редакция